

CHETYRBOK N.P. Role of innovative activity in formation of competitiveness of Belarus

In this article presents theoretical-methodological aspects of the countries competitiveness. This article includes interrelations of competitiveness the macro level with level of innovative development of the country. At this stage of post-industrial development of society innovative development of the country becomes defining factor of competitiveness of macro level. Republic of Belarus has some difficulties with the sphere of innovative development. Insufficient financing and lack of the worked system of motivation constrain innovative development of the country, and as a result limit growth of competitiveness of national economy.

УДК 330.88

Солодовников С.Ю., Манцевич Л.Н.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ Ж. БОДРИЙЯРА ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В УКРАИНЕ И БЕЛАРУСИ

Введение. Ж. Бодрийяр – французский социолог по образованию, философ, культуролог, фотограф. Особое место в творчестве автора занимает книга, представляющая собой сборник статей под общим названием «К критике политической теории знака», в ней Бодрийяр «констатирует, что А.Смит и К.Маркс, а вслед за ними их либеральные и марксистские ученики ограничиваются тем, что проводят различие между потребительской стоимостью (его функциональной и «природной» ценностью) и его меновой стоимостью (его экономической и рыночной ценностью). Он добавляет к этому символическую стоимость вещи, которая является ценностью, приобретаемой в отношениях с другим субъектом, и ее стоимость знака по отношению к вещам. Красивая авторучка, например, может служить для письма (потребительская ценность), ценность, эквивалентную недельному заработку (меновая ценность), может быть предложена в качестве подарка (символическая ценность) или придать социальный статус (структурная ценность по отношению к системе вещей)» [1]. Ж. Бодрийяр также предложил экономическую трактовку знака как фрагмента экономической действительности, экономической категории и отражение иерархичной структуры общества. Благодаря воспроизводству знаков осуществляется воспроизводство социальной структуры общества.

В данном исследовании будет сделана попытка проанализировать возможности использования теоретического наследия Ж. Бодрийяра для исследования социального капитала путем выявления и описания общих и специфических элементов в механизмах его (социального капитала) наращивания в Украине и Беларуси. Социальный капитал П. Бурдьё определяет как «совокупность реальных или потенциальных ресурсов, которые связаны с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания, - иными словами, членством в группе. Последняя дает своим членам опору в виде коллективного капитала» [4, с. 83]. В свою очередь, американский социолог Джеймс Коулман полагал, что «социальный капитал представляет определенный вид ресурса, доступный актору... Функция, определяемая понятием «социальный капитал», представляет собой ценность аспектов социальной структуры для акторов как ресурсы, которые они могут использовать для достижения своих целей» [3, с. 117]. В целом категориально-концептуальные подходы к определению социального капитала многообразны, и это свидетельствует о том, что он (социальный капитал) является сложным по своей структуре видом ресурса, требующим дальнейшего изучения. В частности, особую актуальность имеет изучение экономической составляющей в ресурсной структуре социального капитала.

Современная ситуация, характеризующаяся глобальным институциональным кризисом капиталистической экономики, проявившимся через финансовый, экономический, сырьевой и прочие кризисы, стала отрезвляющей для многих ученых и политиков, а для населения, очевидно, фрустрирующей. Предпосылкой этой ситуации стало непонимание феноменологической природы рынка, наделение его какими-то сверхъестественными свойствами и нежелание усвоить азбучную

истину: рынок, как и любой инструмент, не представляет собой нечто божественное и изобретен людьми для облегчения жизни. В мировом сообществе усиливается понимание необходимости пересмотреть принципы функционирования современных экономических систем, в том числе по-другому взглянуть на роль социальных факторов в экономике. Такие попытки предпринимались, зачастую достаточно удачные, но в силу разных причин были проигнорированы научным сообществом или заглушены громким хором либералов-рыночников. В связи с этим есть необходимость прояснить взгляд на рынок как на один из социальных инструментов, который, как уже было сказано выше, позволяет более или менее успешно облегчать жизнь людей, в частности, снижать транзакционные издержки.

Такой подход должен позволить объективно рассмотреть возможности и границы применения рыночного инструментария в экономической системе общества с учетом глобальных и национальных цивилизационных тенденций, институциональной матрицы, материально-технологической среды, экологического императива, баланса социально-классовых интересов, социального капитала и формами его капитализации.

Для обеспечения дальнейшего прогресса современной политэкономии в частности и экономической науки в целом Ж. Бодрийяр считал необходимым, чтобы «анализ различающей социальной функции предметов и анализ политической функции идеологии, которая с ней связана» [2, с. 98], исходил «из одной абсолютной предпосылки: из отмены само собой разумеющегося рассмотрения предметов в терминах потребностей, отмены гипотезы первичности потребительной стоимости» [2, с. 99]. Автор пояснил свою позицию, справедливо заметив, что эмпирическая гипотеза, господствующая и в экономическом мейнстриме, и в ортодоксальном марксизме, «поддерживаемая очевидностью обыденной жизни, приписывает предметам функциональный статус, статус утвари, связанный с техническими операциями, относящимися к миру, и даже – тем самым – статус опосредования антропологических «природных» потребностей индивида. В такой перспективе предметы в первую очередь зависят от потребностей, приобретаая смысл в экономическом отношении человека к окружающей среде. Эта эмпирическая гипотеза неверна. Дело обстоит совсем не так, словно бы первичным статусом предмета был прагматический статус, на который лишь затем накладывалась бы социальная знаковая стоимость – наоборот, фундаментальным является знаковая меновая стоимость, так что потребительная стоимость подчас оказывается просто ее практическим приложением (или даже простой рационализацией): только в такой парадоксальной форме социологическая гипотеза оказывается верной» [2, с. 104]. Такой подход делает институционализацию социальной иерархии важнейшей функцией обмена благ и предметов.

Не противоречит вышеназванному подходу и тот факт, что в свое время социолог Т. Веблен доказал, что даже если первоначальной функцией подчиненных классов являлось производство, они все равно одновременно выполняют функцию утверждения статуса Хозяина. Более того, когда подчиненные статусы содержатся в

Солодовников С.Ю., д.э.н., доцент Белорусского национального технического университета.

Манцевич Л.Н., Белорусский национальный технический университет.

Беларусь, БНТУ, 220013, г. Минск, пр. Независимости, 65.

праздности, эта функция становится единственной [6, с. 137–141].

В контексте исследования механизмов влияния на уровень накопления социального потенциала в обществе и в отдельных его группах, а так же на формы капитализации этого потенциала наиболее важным является не столько социально-классовая дифференциация (хотя это тоже важно), а «рассогласование между подразумеваемой мобильностью (стремлениями) и реальной мобильностью (объективными шансами социального продвижения)» [2, с. 142].

Бодрийяр по этому поводу отмечал: «эти стремления (подразумеваемая мобильность) не являются свободными <...> они зависят от социальной наследственности и от уже достигнутого положения. Дойдя до определенного порога мобильности, они вообще исчезают – такова абсолютная покорность. В общем, они относительно нереалистичны: мы надеемся на большее, чем объективно в состоянии достичь, и в то же самое время относительно реалистичны: мы не даем разыграться нашему излишне честолюбивому воображению» [2, с. 147–148].

Эту точку зрения отображает тот факт, что подразумеваемые мобильностью (стремлениями) и реальной мобильностью (объективными шансами социального продвижения) различия между такими странами как, например, Беларусь и Украина, весьма существенные. И наличие этих различий объективно влияет на механизм наращивания социального потенциала и на формы его капитализации, как на уровне общества, так и на уровне других агрегированных социальных субъектов. Специфическим свойством социального капитала является то, что совокупное количество «социального капитала» в обществе не является суммой «социальных капиталов» всех его субъектов. Происходит это не только потому, что некоторые проявления социального капитала существуют исключительно на уровне социума в целом, но и потому, что этот капитал может использоваться социально-экономическими субъектами не только в продукционных целях, но и с целью эгональной оптимизации своей социально-экономической жизнестойкости. Это вступает в противоречие с интересами других классов и групп, государства и социума.

В современном обществе социальных классов значительно больше, чем было в период господства индустриального производства, количество их может доходить до нескольких десятков. В отношениях между ними может наблюдаться как сотрудничество, так и борьба. Чем выше степень классового антагонизма, тем больше классы используют свой социальный капитал для классовой борьбы, а не для продукционных целей и поиска компромиссов.

Ситуация, в которой используются механизмы, содействующие наращиванию социального потенциала на уровне всего общества, что позволяет в процессе его капитализации успешно решать проблему устойчивого экономического роста, преодолевать экономические трудности, во многом характерна для белорусского социума. Иную картину можно наблюдать в Украине, где любые экономические проблемы, как правило, приводят к социальным взрывам и социальным коллапсам, а частая смена правящих элит обуславливает перманентный характер передела собственности (часто в латентных формах) и снижение уровня экономического развития. В Республике Беларусь низкая степень социального расслоения и успешное использование социального капитала, накопленного на уровне общества в целом, в немалой степени способствуют обеспечению высокого уровня реальных доходов населения.

Влияние названных различий не ограничивается функционированием механизмов наращивания социального капитала Беларуси и Украины, оно также в значительной степени затрагивает механизмы противодействия такому способу межгосударственной конкуренции, как сборка и разборка социальных субъектов (информационное оружие). Для разборки социума, т.е. для разрушения сотрудничества между субъектами, в него входящими, зарубежными манипуляторами общественного сознания сегодня часто используется противоречие между подразумеваемой мобильностью (стремлениями) и реальной мобильностью (объективными шансами социального продвижения). Под информационным оружием сегодня понимается средство ведения современной нелетальной войны (без физического уничтожения противника). Оно обеспечивает идентификацию и поражение противника с помощью информационных концентраторов

различных конструкций (традиционные СМИ, сетевые гипертекстовые концентраторы и т.п.), позволяет оказать влияние на социальный субъект, приводящее к блокированию его социальных действий (социальной активности), позволяет эффективно перераспределять (переделывать) материальные ресурсы (изменять отношения собственности) без нанесения повреждений самой собственности. При практическом применении информационного оружия создается некоторая виртуальная (идеальная) конструкция, воспринимаемая людьми как реальная. В результате дезориентированная часть населения начинает действовать не в целях реализации своих интересов, а в направлении, указываемом им субъектом, который сумел успешно применить против них информационное оружие. В нашем случае в качестве виртуальной (идеальной) конструкции выступает подразумеваемая мобильность. Людям внушают, что именно правительство их страны мешает тому, чтобы этот идеальный образ быстро стал реальным. И здесь не важно, что противоречие между подразумеваемой мобильностью (стремлениями) и реальной мобильностью (объективными шансами социального продвижения) – это явление, присущее всем социально-экономическим системам без исключения. Для Манипулятора важнее, чтобы на уровне общества было накоплено мало социального капитала, тогда легче заставить людей разрушить свою экономическую систему, повысив тем самым конкурентные преимущества страны Манипулятора. Поскольку в Республике Беларусь намного выше уже накопленный социальный капитал на уровне общества, то наша страна может использовать его (капитал) для продукционных целей. В Украине же, поскольку уровень социального капитала на уровне общества низок, правительству, обществу в целом и хозяйствующим субъектам приходится нести значительные издержки не на развитие экономики, а на борьбу с «евро-майдами», т.е. на противодействие фактическому превращению Украины в колонию ЕС. Это позволяет сделать вывод, что механизмы наращивания социального капитала в Республике Беларусь и Украине коренным образом различаются.

В качестве примера можно привести распад СССР, который не соответствовал экономическим интересам большинства населения Советского Союза, поскольку это неизбежно вызвало разрушение устоявшейся системы внутрисоюзного разделения и кооперации. Тем не менее, это событие было расценено достаточно большим количеством советских граждан как позитивное. Главным образом это обусловлено резким снижением социального капитала на уровне общества. Усиление классовой, национальной борьбы и быстрый (зачастую криминальный) передел собственности, когда эгоистическое стремление увеличить свое, частное материальное богатство со стороны правящей элиты значительно снизило продукционную отдачу экономической системы общества. В Республике Беларусь и других постсоветских странах начинается экономический кризис, который сопровождается значительным абсолютным снижением ВВП на душу населения, отставанием по этому показателю даже от таких стран третьего мира, как Венесуэла, Аргентина и т.д., а также увеличением технологического разрыва с индустриально развитыми государствами. Резко ухудшились социальные и материальные условия жизни людей, у большинства из которых пропала вера в завтрашний день. Естественно, что это не могло не привести к сокращению продолжительности жизни и снижению ее качества.

Усиливающаяся в Беларуси классовая борьба, сопровождаемая массовыми выступлениями рабочего класса на фоне перманентной деградации экономической системы, и «грубые» (неумелые) попытки привнесения в страну рыночных институтов в формах, не соответствующих основному направлению развития современной цивилизации, белорусской культуре и базовым институтам, привели к разочарованию в рыночных реформах большинства белорусов. Сформировавшееся у большинства населения к 1994 году неприятие либерально-рыночного пути социально-экономического и политического развития, по которому пошла страна в начале 90-х гг., обеспечило избрание Первого Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко, что предопределило изменения социального и экономического курса страны. Новая экономическая стратегия в Республике Беларусь, начатая с приходом к власти А.Г. Лукашенко, заключалась в

развитии социально-ориентированной модели рыночной экономики, когда государство стремится обеспечить всем своим гражданам определенные базовые социальные и экономические гарантии. Первоначально белорусская экономическая модель создавалась методом проб и ошибок (просто не было необходимой теоретической базы), что несколько повышало транзакционные издержки. Тем не менее, этот путь развития, адекватный сложившейся социально-экономической ситуации, коммунальной материально-технологической среде, белорусской культуре и базовым институтам общества обеспечил устойчивый рост белорусской экономики, улучшение ее структуры, повышение доходов большинства населения, возрастание социального капитала на уровне общества и иных агрегированных социальных субъектов.

Иначе постсоветская ситуация складывалась в Украине, которая не смогла выйти из этапа передела собственности и в которой обязательная приватизация обусловила деиндустриализацию страны. Неудачные либерально-рыночные эксперименты с собственностью на сельскохозяйственные земли дополнили картину развалом агропромышленного комплекса и обнищанием крестьянства. Массово разочаровавшиеся в рыночных реформах украинцы не сумели сплотиться вокруг национального лидера, который мог бы воплотить в жизнь их социально-экономические классовые интересы. Такого лидера в Украине не было. В результате возрастание социального капитала в этой стране происходит на уровне классов, хозяйствующих субъектов, малых этнических групп, отдельных малых населенных пунктов и т.д. Названные субъекты, исходя из особенностей олигархической украинской модели, используют накопленный ими социальный потенциал только в своих частно-групповых интересах, усиливая этим классовые антагонизмы и препятствуя накоплению социального капитала на уровне общества. В итоге украинская экономика не эффективна, а население страны быстро разочаровывается в своих политических деятелях.

Рассогласование между подразумеваемой и реальной мобильностями основано на «невной интерпретации социальными акантами объективных социологических данных: индустриальные общества предоставляют средним категориям населения определенные шансы на продвижение, но шансы сравнительно небольшие; социальная траектория за исключением отдельных случаев оказывается достаточно короткой, социальная инертность весьма ощутима, всегда остается возможность для регресса» [2, с. 156]. Ж. Бодрийяр писал, что в этом случае «создается впечатление, что: мотивация к восхождению по социальной лестнице выражает интериоризацию общих норм и схем общества постоянного роста; избыток стремлений по отношению к реальным возможностям выдает разбалансировку, глубокое противоречие общества, в котором «демократическая» идеология социального прогресса при случае вмешивается для того, чтобы компенсировать и перераспределить относительную инертность социальных механизмов. Скажем иначе: индивиды надеются, потому что «знают», что могут надеяться, – они не надеются слишком, поскольку «знают», что это общество накладывает непроходимые препятствия на свободное восхождение, – и при этом они все-таки надеются чересчур, поскольку сами живут размытой идеологией мобильности и роста. Уровень их стремлений вытекает, следовательно, из компромисса между реализмом, питаемым фактами, и ирреализмом, поддерживаемым окружающей их идеологией, то есть из компромисса, который, в свою очередь, отражает внутреннее противоречие всего общества» [2, с. 156]. В результате возникает «противоречие между рациональной экономической логикой и культурной классовой логикой».

Очень откровенное и важное, с точки зрения исследования социальной реальности, заявление по поводу европейских ценностей и проекта «Объединенная Европа» сделал Ж. Бодрийяр: «главной целью этой схемы интернациональной стратификации, проходящей под символом «Европы», является политическое осуществление национальной интеграции, свойственной каждой из рассматриваемых стран, причем осуществляется она не только со стороны потребления, но и со стороны стратификации» [2, с. 169]. При помощи этого проекта, позволяющего снизить степень накопления социального капитала и

уровня самосознания низших классов «в статистической дихотомии, – отмечает Ж. Бодрийяр, – снимается старое разнообразие противоборствующих классов: их по-прежнему два, но между ними больше нет конфликта – два термина меняются на два полюса «социальной динамики». Следствием (и целью) такого тактического разделения оказывается нейтрализация крайних элементов и, следовательно, всякого противоречия, которое могло бы возникнуть из них в социальном плане: существует один-единственный модельный уровень (направляющая схема) и – все остальные. Перемешанные статистикой, они представляются в качестве просто населения, огромного среднего класса или тех, кто им может стать, класса, культурно уже подготовленного к роскошам привилегированных классов. Нет больше никакого радикального неравенства между главой предприятия и служащим низового звена, поскольку последний, смешавшись в статистике со средними классами, видит, что ему уже доверен «средний» standing и обещан standing высших классов. На всем протяжении социальной лестницы никто не подвергается окончательному исключению» [2, с. 170]. В Старой Европе, как отмечает Ж. Бодрийяр: «Вокруг обладания культурными и материальными благами организуется целая новая концепция классовой стратегии. Ценности и критерии потребления подвергаются мнимой универсализации лишь затем, чтобы еще успешнее привязать «безответственные» классы (то есть не обладающие властью решения) к потреблению и, тем самым, сохранить для руководящих классов исключительность их власти» [2, с. 170]. Этот прием создает иллюзию объединения всех слоев «демократической» Европой.

Причем этот продукт манипулирования массовым сознанием (Проект «Объединенная Европа»), разборки социальных субъектов и принуждения таким образом последних к действиям, не отвечающим ни их личным, ни групповым, ни общественным социально-классовым интересам, широко используется европейскими правящими классами для экспорта своих общественно-функциональных технологий. Названный экспорт уже сегодня позволяет ЕС получать весомые экономические дивиденды не только в Европе, но и по всему миру. Главной характеристикой названных общественно-функциональных инноваций является то, что они, прежде всего, нацелены на снижение социального капитала на уровне общества. А вот здесь между Беларусью и Украиной обнаруживается большая разница. В Республике Беларусь накоплен значительный социальный потенциал на уровне общества, который успешно капитализируется (возникающие при этом транзакционные издержки иногда бывают достаточно большими, их можно и нужно минимизировать, но это не тема этого исследования), который позволяет успешно противостоять применению против нашей страны информационного оружия. В Украине, как нами уже отмечалось ранее, социальный капитал на уровне общества крайне низок, и поэтому применение против этой страны информационного оружия причиняет украинскому социуму и экономике значительный ущерб. При этом традиционные механизмы накопления на уровне общества социального потенциала и его капитализации практически не работают.

На микроуровне в Республике Беларусь созданы механизмы формирования условий роста социального капитала в результате государственной поддержки семьи, сохранения традиций, семейных ценностей. Обязательным условием для формирования и успешного развития этих механизмов является политическая, экономическая и социальная стабильность в обществе, которая есть в нашей стране. В Украине такой стабильности нет и после распада СССР никогда не было. Естественно, что механизмы накопления социального капитала в семьях, в условиях политической нестабильности, очень большой социально-классовой дифференциации и обнищания значительной части населения малоэффективны и значительно трансформированы психологией нищеты. Вместе с тем место реальной борьбы за оптимизацию своих экономических интересов (борьбы за социальную мобильность) для многих украинцев заняли образы врагов, которые мешают им хорошо жить, и мечта о «европейском» рае, куда достаточно просто попасть.

Более стабильная политическая, экономическая, социальная и экологическая ситуация в Беларуси, по сравнению с Украиной, обу-

словливает более успешное использование таких форм возрастания социального капитала, как развитие системы образования; создание благоприятного психологического климата; развитие норм взаимности и доверия; рост имиджа белорусских коммерческих организаций, их руководителей и производимых ими товаров. Естественно, что и в Беларуси все это не протекает очень гладко, но для нашего исследования важнее тот факт, что накопление социального капитала на микроуровне в Республике Беларусь происходит намного быстрее и с использованием более разнообразных механизмов.

На мезоуровне отличие форм накопления социального капитала в Республике Беларусь от Украины заключается в значительно более высокой степени доверия бизнеса и населения к региональным властям (в декабре 2013 г. – январе 2014 г. неприятие региональной власти частью населения Украины даже вылилось в массовые беспорядки в большом количестве регионов). В Беларуси более развиты механизмы формирования позитивного образа регионов, настраиваются формы поиска новых моделей взаимодействия бизнеса и власти, постепенно вырабатывается система взаимодействия бизнеса, населения и власти на основе доверия и т.д.

На макроуровне (на уровне общества) в Беларуси сформирован и достаточно эффективно работает такой важный механизм накопления и капитализации социального потенциала, как доверие к Президенту и органам государственного управления, во многом предопределяемый тем, что А.Г. Лукашенко является харизматическим лидером и воспринимается большинством населения нашей страны как высшая инстанция, к которой можно обратиться в поисках справедливости и защиты. Это способствует эффективному функционированию в нашей стране механизмов обеспечения законности и правопорядка, укреплению общенационального согласия. Сегодня в экономической науке является общепризнанным факт связи между усредненным показателем доверия и национальным доходом. Например, Р. Инглхард считает, что эта связь составляет 0,56 [5, с. 62]. В Украине нет общепризнанного национального лидера, и всем ее президентам приходилось и при-

ходится лавировать между множеством групп, вступающих между собой в открытую конфронтацию, не редко сопровождаемую крайними формами гражданского неповиновения и насилия. Естественно, что это делает невозможным продуктивное использование и такого важного условия наращивания социального капитала на уровне общества, как законность и правопорядок.

Заключение. Таким образом, применив ряд теоретических положений, изложенных Ж. Бодрийяром в работе «К критике политической теории знака», в исследовании социального капитала путем выявления и описания общих и специфических элементов в механизмах его наращивания в Украине и Беларуси, можно отметить взаимообусловленность уровня социального капитала и глубины социальных противоречий, вызванных социальным расслоением. В качестве иллюстрации этого – противопоставление направленности белорусского общества, в котором присутствуют механизмы для формирования социального капитала на всех уровнях, и украинского социума, в котором активно идет процесс деконструирования идеологической идентичности.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Алэн, де Бенуа: Жан Бодрийяр. Взгляд справа [Электронный ресурс] // РОССИЯ-3: портал сетевой войны. – Режим доступа: [http://rossia3.ru/ideolog/nashi/bodriyar]
2. Бодрийяр, Ж. К критике политической экономики знака / Пер. с фр. – М., 2007.
3. Коулман, Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 124–126.
4. Bourdieu, P. Forms of Capital // The Sociology of Economic Life / Ed. by M. Granovetter, R. Swedberg. – 2nd ed. Boulder, 2001. – P. 102–103.
5. Inglehart, R. Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton. – N. J.: Princeton University Press, 1990.
6. Veblen I. The Theory of the Leisure Class. 1899.; фр. пер.: La Théorie de la classe de loisir. – Paris, 1969.

Материал поступил в редакцию 30.09.14

SOLODOVNIKOV S.Yu., MANTSEVICH L.N. Use of theoretical heritage of Zh. Bodriyyar for research of the social capital in Ukraine and Belarus

The study attempts to analyze the possibility of using the theoretical heritage Zh. Bodriyyara for studies of social capital by identifying and describing general and specific elements in the mechanisms of its (social capital) building in Ukraine and Belarus.

УДК 338.24:330.322.21(476)

Борушко Е.П.

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО В БЕЛАРУСИ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ПОДГОТОВКИ И РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ

Введение. Создание и развитие механизмов государственно-частного партнерства (ГЧП) рассматривается в мире как одно из основных приоритетных направлений инвестиционной и инновационной политики.

ГЧП привлекательно как промежуточная форма между государственной и частной собственностью, а также как своеобразная управленческая альтернатива приватизации. С одной стороны, важнейшие объекты не могут быть переданы в частную собственность, а с другой – государственный бюджет не в состоянии обеспечить их финансирование.

Экономическое взаимодействие между органами исполнительной власти и бизнесом в данном формате необходимо белорусской экономике, поскольку является одним из факторов ускоренной модернизации инфраструктурных и социальных секторов экономики, обеспечивающих занятость и формирующих эффективную конкурентную среду, осуществляемых за счет использования более эффективной системы управления создаваемыми проектами, привле-

каемых новых технологий и инвестиций частного бизнеса.

В условиях Беларуси государственно-частное партнерство также может стать одним из реальных механизмов создания инвестиционных и инновационных проектов.

Состояние и проблемы создания ГЧП. Успешное выполнение проектов ГЧП в нашей стране связано с созданием таких важнейших условий, как: законодательная база, подготовленные специалисты; механизмы реализации проектов; инфраструктура партнерства (центры, агентства, ассоциации), объединяющая всю информацию о проектах, обеспечивающая разработку и формирование банка инфраструктурных проектов, форм соглашений; эффективная система управления партнерством.

Институциональная среда партнерства должна включать: органы исполнительной власти республиканского и местного уровней, в ведении которых будут находиться вопросы ГЧП, инфраструктурных организаций; кредитно-финансовые институты, обеспечивающие предоставление частных инвестиций; независимые организации, осуществ-

Борушко Евгений Петрович, к.т.н., доцент, ведущий научный сотрудник ГНУ «НИЗИ Министерства экономики Республики Беларусь» г. Минск, Республика Беларусь.